

МАРИЯ РЕПИНА

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО ПРОФЕССОРА АРТЮХОВА

Если когда-нибудь будет выходить серия «Жизнь замечательных учёных ВГУ», книга о Валерии Григорьевиче Артюхове будет иметь все основания стать одной из самых объёмных. Что поделаешь – несколько листов займёт только перечисление регалий: профессор, доктор наук, декан биолого-почвенного факультета, общественный деятель... Не каждая знаменитость может гордиться таким послужным списком.

И кто сказал, что играть на сцене труднее, чем писать научные статьи, которых у Валерия Григорьевича, кстати, 1100 (!)?

Так почему бы и не рассказать о жизни этого замечательного профессора?

СТРАНИЦА ПЕРВАЯ

Об «умницах, лапочках и нормальных бабах»

Пока книги о профессорах не издают, Валерий Григорьевич читает о «звездах». Читает и огорчается:

– Вот спрашивают у одного известного артиста: «Ты сколько раз был женат?» Тот делает вид, что вспоминает: «То ли пять, то ли шесть». А я негожую! Дело даже не в количестве штампов, а в том, что человек ведёт себя не по-мужски. Лицемерия и манерности я не терплю.

В самом Артюхове – ни капли актёрства. Про таких говорят – «душа нараспашку». Кажется, бери и читай профессора, будто раскрытую на нужной странице энциклопедию. Своей «жизнеописательнице» он обещает рассказать всё, как есть:

– Можно себя так представить, что получится восковая фи-

гура. Всё правильно, грамотно, как по трафарету. А человека – нет.

В Артюхове «человеческое» преобладает над «официальным». Своим «девочкам»-коллегам он не объявляет благодарность приказом.

– Если кто-то поступил правильно, подойду и поцелую его. Все на факультете знают, если я чмокнул в макушку – ты молодец. Талантливых девушек, которые хорошо себя ведут, я называю умницами и лапочками. Часто говорю: «Вот эта нормальная баба!» Некоторые сначала обижались: «Мы женщины!» Потом поняли, что это главный комплимент.

«Нормальные бабы» окружают Валерия Григорьевича и в деканате, и на кафедре, которой он заведует. Её на биолого-почвенном факультете называют сарайчиком. Если вспомнить о персидских корнях слова – микродворцом. На подоконниках теснятся горшки. Артюхов ещё и знатный

Валерий Григорьевич Артюхов

Знаменитое «Веневитиново» – учебно-научный центр биофака. Поэтому декан В.Г. Артюхов чувствует себя здесь хозяином

цветовод. Своими «зелёными питомцами» он гордится как учениками-отличниками:

– Это ещё что! Вот в парадной комнате (то бишь в кабинете декана) у меня во-о-от такая пальма растёт.

В «сарайчике» пальма бы не уместилась, здесь и столу тесно. Зато всё под рукой и перед глазами. Куда без блокнота, в котором записаны планы на день. Сделал – вычеркнул, не успел – перенёс на завтра. Главное – не останавливаться: работать в будни, в праздники, в выходные.

– Я прихожу на факультет к 10 утра, а ухожу в 8 вечера. Читаю лекции, решаю бытовые вопросы, подписываю бумаги, принимаю посетителей и... не устаю. Для меня всё это нормальный рабочий процесс. Видите толстенную стопку бумаг?.. Всё это нужно сегодня прочитать, я готовлюсь к конференции. Другой ужаснётся, а для меня это пустяк. Привык к своим способностям, они ещё в детстве проявились.

СТРАНИЦА ВТОРАЯ

О конкуренции и «чокнутых» учёных

– Я класса с четвёртого понимал, что никому из ровесников не уступаю по уровню знаний. Тогда же уяснил ещё одну важную вещь: мы – одноклассники-конкуренты. Все оценивали друг друга: кто хорошо учится, кому благоволят учителя, кем восхищаются девочки? И мне хотелось быть не то что не хуже – лучше других. Я шёл на «золотую» медаль. В те времена это была награда значительная, количество отличников согласовывалось. Школа за год подавала заявку: такой-то претендует на «золото». Заявок могло быть не больше трёх. И мы боролись за право войти в число лидеров.

«Золотую» медаль ученик Артюхов не получил, хотя и был № 1 в классе. Он пострадал... из-за своей амбициозности:

– Мы писали итоговое сочинение, эпиграф к которому нужно было взять у классика. А я, начинающий поэт, дерзнул процитировать своё стихотворение. Проверяющие были в тупике: ни одной ошибки, а эпиграф – не понятно откуда. Как оценить? Мою работу отправили высшей комиссии в Краснодар, там поставили «четвёрку». Я получил «серебро», уступив первенство девочке. Был огорчён, но понимал: знаний-то у меня меньше не стало.

Тогда он понял: отличники разные бывают, а конкуренция будет всегда. Школьный урок пригодился уже профессору Артюхову. Оказалось, что и доктора наук не всегда одинаково профессиональны:

– В ВГУ около трёхсот профессоров. Есть учёные, а есть люди с учёной степенью. Они тоже конкурируют. Но у настоящего доктора особый мозг, нетривиальная реакция на события. Его поведение и речь не соответствуют стандарту. В народе людей науки часто называют «чокнутыми» – ведь у них другое восприятие мира. И сколько бы «вымученный» доктор ни соперничал с учёным по призванию, последний без усилий его опередит. Я без самолюбования говорю: могу назвать себя профессионалом. Просто потому, что этот термин окаймляется показателями, которые у меня есть.

Валерий Григорьевич входит в пятёрку самых цитируемых учёных ВГУ. Одних только «статусных статей» в серьёзных журналах у него почти 600. А между тем быть биофизиком, и уж тем более преподавателем, Артюхов не собирался.

СТРАНИЦА ТРЕТЬЯ

Военным не стал, в Ригу не поехал

Он мечтал летать. С детства любил военные самолёты. Первое воспоминание тоже связано с небом:

– Мне четыре года – это самый конец войны. Мы с бабушкой стоим в огороде. Почти над головами проносятся «металлические птицы», а мы кри-

Профессор В.Г. Артюхов
с ручным динозавром

чим: «Наши, наши самолёты!» Этот эпизод отчётливо зафиксировался в моей памяти. Я бредил полётами. Метрах в трёхстах от моего дома находилось военное училище, и я ходил смотреть на курсантов. Думал: вырасту и тоже стану таким. У меня была мечта – увидеть самолёт близко-близко. Я выбирался за город и становился в такое место, где железная машина спускается почти до земли, а потом резко взлетает. Во время одного такого «эксперимента» я чуть не погиб. Кажется, у испуганного пилота не было цензурных слов в мой адрес.

Вполне естественно, что поступать Валера собрался в Краснодарское военное училище. Сдал все экзамены и не сомневался, что будет зачислен. В кармане одни «пятёрки», а рядом ждут решения приёмной комиссии ребята, которые еле получили шаткуну «троечку»:

– Я-то ждал, что меня вызовут в первых рядах. Называют фамилии поступивших. Первая десятка, вторая – меня нет. Уже всех троечников осчастливили, а я покрываюсь потом от волнения. Объявляют: работа приёмной комиссии закончена. «Как, – кричу, – закончена?!» В бешенстве влетел в аудиторию, потребовал объяснений. Тогда-то и узнал, какими могут быть военные – меня прямым текстом послали по известному адресу. Я, парень не робкого десятка, настаивал: объясните, почему меня со всеми «пятёрками» не приняли. Наконец один спокойно сидящий полковник сжалился: «Ребята, да скажите вы ему наконец, что мы принимаем с восемнадцати лет. Тебе-то, отличник, семнадцать».

В правилах приёма возраст прописан не был. Что же оставалось делать будущему профессору? Только поступать на «фундаментальное направление». И он выбрал биофак.

– Уже тогда я понимал, что биология – наука номер один в мире. Всегда с гордостью говорю: я – биолог-профессионал. На факультет поступил легко.

Правда, с последнего экзамена чуть не выгнали за попытку помочь «тонущим». Но нашёлся один профессор, который за меня заступился. Говорит: «Давайте посмотрим, чего он стоит. Ну-ка решай задачу». «Да чего там решать!» – возмутился я. В момент разложил всё по полочкам и, конечно, был зачислен.

В 1960-е годы биофизика только начинала развиваться. Студентов нового направления в СССР ценили и первого выпуска (всего-то 9 человек) ждала вся страна:

– Обо мне узнал президент латвийской Академии наук. Предложил поехать в Ригу, обещал двухъярусную квартиру: на первом этаже – лаборатория, на втором – жилое помещение. Я соблазнился и дал согласие. Кто же предполагал, что у заведующего кафедрой на меня другие планы? Ещё когда был на пятом курсе, меня оформили ассистентом на 0,5 ставки. Получается, что я читал лекции своим же одногодкам, но преподавать уж точно не собирался.

На распределение президент Академии приехал лично. Завкафедрой спрашивает: «Где бы вы, Валера, хотели работать?» Гость латвийский заявляет, мол, Артюхов уже согласился ехать в Ригу. Мой шеф оторопел: «Да он у меня уже полгода преподаёт!» Я притих. Старший лаборант, которую мы на полном серьёзе называли мамой, говорит: «Что за разговоры? Валерик, мы же тебя для себя готовили».

Я смалодушничал, лепечу: «Будет, как заведующий скажет». Он и сказал: «Артюхов меня на должности заменит». Ох, как ругался президент! А я стоял, залитый краской, в самом начале своего пути в науку.

Заведующим кафедрой Валерий Григорьевич действительно стал. По карьерной лестнице шагал, перепрыгивая ступеньки, но иногда червячком точила мысль: «А дали бы квартиру-то в Риге?» Своего жилья у молодого учёного не было – обитал у тёщи, о тишине только мечтал:

– Когда я работаю, мне мешает всё. Даже жена, которая тенью скользит по комнатам, отвлекает. О двухъярусной квартире мечтаю до сих пор – чтобы ни звука, ни огонька. Как-то поехал в Латвию отдыхать. Не выдержал, пошёл к местным учёным, спрашиваю: «Правда, что вам такое жильё дают?» Оказалось, что так и есть – квартиру мне даже показали. Совсем я пригорюнился, стал сожалеть, и тут... СССР распался. А я по духу русский, мне нечего делать в другой республике. Теперь думаю: как же хорошо, что не уехал.

СТРАНИЦА ЧЕТВЁРТАЯ

Об оценках, возрасте и футболе

И действительно, хорошо. Иначе биолого-почвенный факультет лишился бы своего никогда не устающего декана, а студенты – блестящего лектора:

– Мне нравится работать в аудитории. Конечно, у меня есть свои методы воздействия на публику, но главное, что я могу, – подать пример. Формализованное воспитание ни к чему хорошему не приводит: не надо навязывать студентам знания, если они не собираются их брать. Видят ребята: профессор Артюхов хорошо читает лекции. Должны сами сделать вывод: «Ага, и я хочу быть не хуже».

Все знают, что я требую системных знаний, понимания сути вопроса. Нельзя открыть книгу на 581-й странице, прочитать интересующую главу и думать, что этого достаточно. Я всё читаю от корки до корки. Пока дойду до нужного раздела, столько всего узнаю! Но студенты редко вникают в прочитанное. Как они сдают экзамены? Заучат лекцию и расскажут, как стихотворение. Слабый преподаватель поставит «пять». Но я за одну только хорошую память «отлично» не ставлю. Хотя и оценки не «зажимаю». Говорю студенту: «Не думай о том, что появится в зачётке. Хочешь «четвёрку» – получишь. Только сначала вопрос на *понимание*».

Валерий Григорьевич строго спрашивает студентов, но от себя он требует ещё больше. После каждой лекции ставит себе оценку. Если получает 4,5 – страшно расстраивается:

– Важно, чтобы, когда я уйду из аудитории, говорили: «Вот Артюхов – нормальный мужик, не зря пришёл». Изредка могу забыть какой-то термин, запнуться на долю секунды и тогда «пятерки» уже нет. Это всё возраст.

Иногда семидесятипятилетнего Валерия Григорьевича посещают невесёлые мысли:

– Мечтаю умереть... нет, не на работе, а дома за работой. Учёные умирают то от рака, то от инсульта. А я бы предпочёл уйти сейчас, но сознательно, понимая, что есть мир вокруг меня.

Впрочем, профессор быстро спохватывается. Он старается не думать не то что о смерти, а даже о пенсии. Говорит: мозг не стареет:

– Я ещё могу генерировать идеи. Соображаю быстрее молодых. Они только думают, как подойти к решению задачи, а я её уже решил.

Как близнец (а в силу гороскопа он верит), Валерий Григорьевич постоянно тянется к новому. Сейчас хочет освоить компьютер, чтобы ни от кого не зависеть: пока отправлять электронную почту приходится на пару с лаборанткой. Выпадать из графика «совершенствования» нельзя, расслабляться – тем более.

Отдохнуть профессор Артюхов позволяет себе редко – у телевизора:

– Я – страстный болельщик. Только футбол может отвлечь меня от работы. Когда «болею» – выплёскиваю эмоции, кричу на весь дом. Жена ругается: «Сейчас соседи сбегутся». Вот такой я человек – когда любимый ЦСКА проигрывает, могу ночь не спать.

СТРАНИЦА ПЯТАЯ

Открытый эпилог

Валерий Григорьевич говорит, что у него две страсти – цветы и футбол. Но, думается, он лукавит. Главная его страсть – университет (после семьи, конечно):

– На факультете я провожу половину своего времени. Многие смотрят на часы, считают минуты до освобождения. Для них университет – тюрьма. А меня работа не гнетёт, о неприятностях не успеваю думать. Только если у меня дома что-то не так, это сразу заметно. Как всякий нормальный мужик, я понимаю, что порядок в семье – прежде всего. Вот я сижу и знаю, что меня ждёт жена, она уже спросила, что приготовить на ужин, и даст посмотреть футбол. Вечером мне хочется спешить домой, а утром – на работу. Может, в этом созвучии и есть счастье?

«Жизнь замечательного профессора Артюхова» ещё пишется. Но каждому, кто прочитал хотя бы несколько страниц этой «жизни», Валерий Григорьевич открывает секрет благополучия:

В – вера в лучшее.

Г – гармония.

У – удовольствие от жизни.

ВГУ.